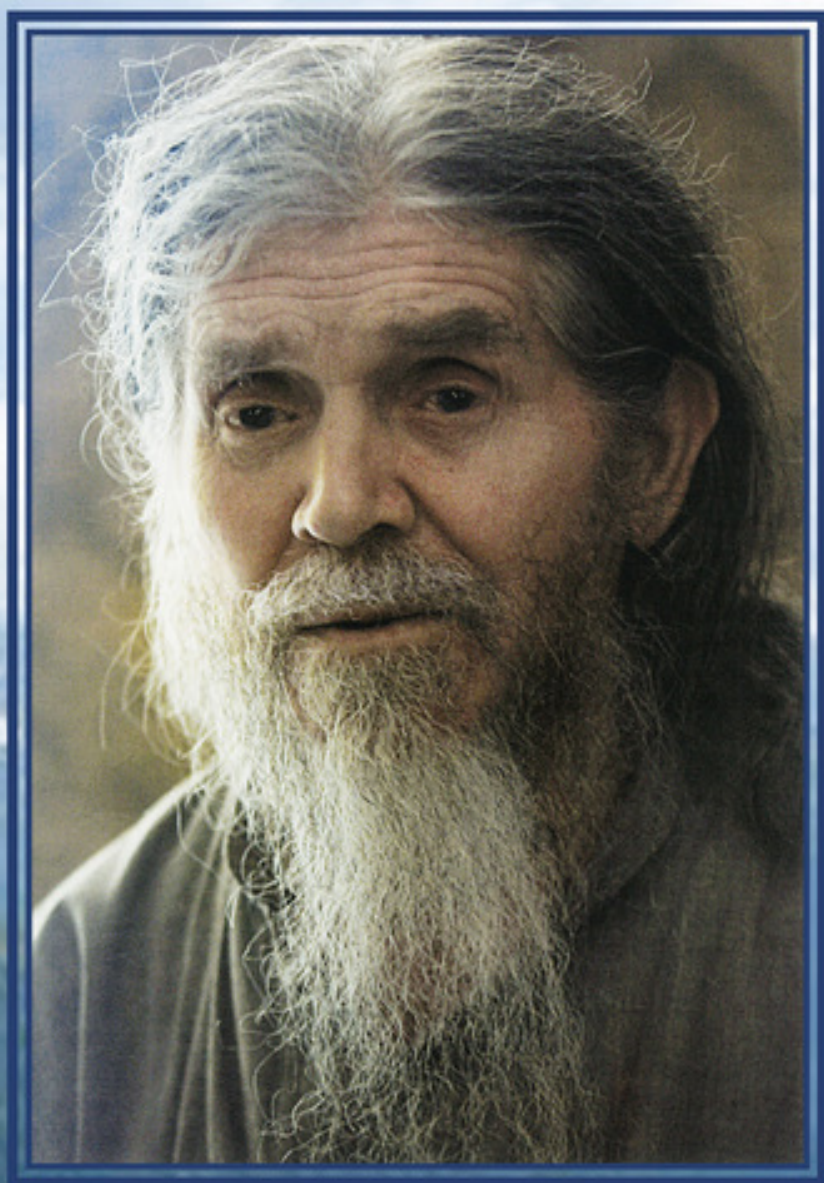

ОН ХОТЕЛ ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ СТРАННИКОМ

ВОСПОМИНАНИЯ О КАВКАЗСКОМ СТАРЦЕ
ИЕРОМОНАХЕ МАРДАРИИ (В СХИМЕ АЛЕКСИИ)

Святые рядом с нами

Монахиня Иулиания

**Он хотел жить и умереть
странником. Воспоминания
об иеросхимонахе Алексии**

«Символик»

2013

Иулиания М.

Он хотел жить и умереть странником. Воспоминания об иеросхимонахе Алексии / М. Иулиания — «Символик», 2013 — (Святые рядом с нами)

ISBN 978-5-906303-05-9

В книге рассказывается о жизни и подвигах иеросхимонаха Алексия, около 40 лет прожившего в горах Кавказа. Люди, которым посчастливилось знать подвижника, поделились своими воспоминаниями о нем.

ISBN 978-5-906303-05-9

© Иулиания М., 2013

© Символик, 2013

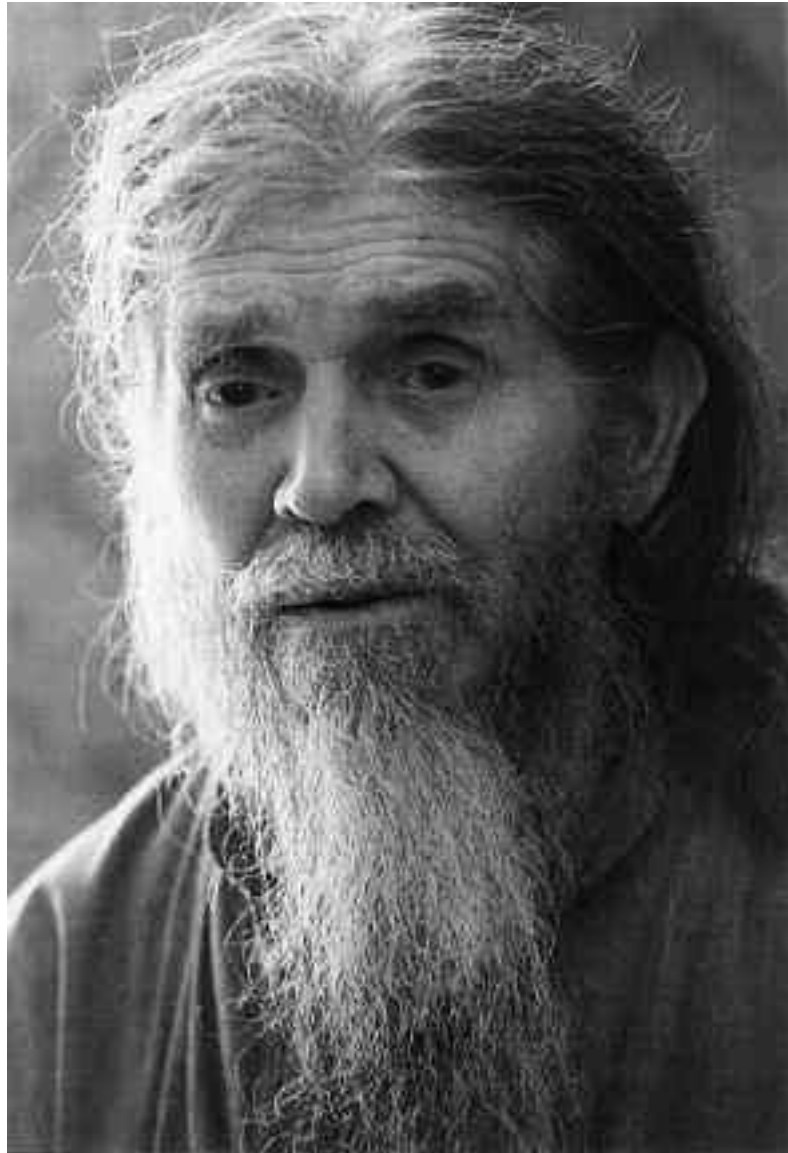
Содержание

Вместо предисловия	6
Детские, юношеские годы жизни (Михаила) иеросхимонаха Алексия	9
Духовный отец	12
Начало монашеского пути	14
В Киево-Печерской лавре	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Он хотел жить и умереть странником. Воспоминания об иеросхимонахе Алексии

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС13-221-1818)*

По благословению Высокопреосвященного Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого.

В меру жития бывает истина.
Св. Исаак, Сирин

Вместо предисловия

Цель составителей этой книги заключается в том, чтобы почтить смиренномудрие иеросхимонаха Алексия и вдохновить всех читающих живыми примерами современных нам подвижников и передать другим их опыт, что особенно важно среди всеобщей сумятицы, невежества, господствующих, к сожалению, в наши дни. Живой пример обладает полной убедительностью. Однако пусть никто не сочтет себя способным описать жизнь духовного человека, даже если он хорошо его знал. Человек, душа которого опаляется божественной любовью, мысль озаряется божественным просвещением, тело непрестанно несет знаки всеобъемлющего самоотречения и погружается в страдание, которого требует строгая совесть, так что потоки слез становятся для него хлебом день и ночь, – такой человек превышает меру естественных правил и законов, и его нельзя оценивать на основании обычных человеческих критериев. Недаром апостол Павел указывает, что духовный судит обо всем, а о нем судить никто не может.

Нам известны жизнь и творения древних подвижников благочестия: Макария Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Ефрема Сирина и других Святых Отцов первых веков христианства. Но мало кому известны подвиги современных подвижников Кавказских гор. Одним из них был отец Мардарий, который жил Евангелием, руководствовался духовной муд-

ростью древних Святых Отцов. Когда о нем стали узнавать, то батюшка просил о нем ничего не рассказывать. «Богу это не нужно, – говорил он, – я хотел жить и умереть странником».

Но получилось иначе. В последние годы жизни в пустыне батюшка полностью потерял зрение, а кругом – скалы, пропасти, и одному ему там находиться стало опасно. К тому же сказано: «Не искушай Господа Бога твоего». Только тогда батюшка был вынужден дать согласие вывести его из пустыни. И всю оставшуюся жизнь, где бы он ни находился, тосковал о своем кавказском пустынножительстве.

Отчего батюшка покрывал завесой молчания свой подвиг? Думается, что были на то причины духовного характера, и, прежде всего, его абсолютное неприятие суетной мирской славы и нежелание выставлять напоказ жизнь своего внутреннего человека, который в суровых аскетических условиях духовно развился и окреп.

Мы дерзнули рассказать о батюшке, собрав воспоминания его духовных чад, близких, его знакомых и тех, кому посчастливилось жить рядом с ним не один год, потому что очень многие, ранее общаясь с батюшкой, сейчас стали испытывать необходимость в духовном общении с ним. Надеемся, что эта книга станет капелькой елея как для тех, кто скорбит в памяти о батюшке, так и для тех, кто в повседневной жизни старается идти путем Христовых заповедей, вспоминая наставления, советы, жизнь иеросхимонаха Алексия. Прости нас, батюшка.

Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному возделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины.

Преп. Иоанн Лествичник

О постриге в монашество и рукоположении в иеромонахи отца Мардария, который был совершен буквально перед закрытием лавры, вспоминает монахиня Иулиания со слов самого батюшки, иеросхимонаха Алексия.

Так как в 1961 году Киево-Печерскую лавру закрыли и унесли, до сих пор неизвестно куда, архивы и богослужебные книги, то точные данные пострига и рукоположения батюшки, и кем они совершались, пока остаются неизвестными.

Детские, юношеские годы жизни (Михаила) иеросхимонаха Алексия

*Принеси Богу юность твою,
вземши иго Его, сядь наедине и умолкни...*
Плач Иеремии, 3,2 7-28

Иеросхимонаха Алексия (для большинства знающих его людей он известен как иеромонах Мардарий) в миру звали Михаилом Васильевичем Даниловым. Родился он 10 июня 1929 года в селе Богородицкое Ясеновского района Курской области. С детства посещал храм, который находился в ближайшем селе Горшечное. Семья Михаила состояла из восьми душ. Мать его, Мария, умерла, когда Мише было всего три года. Отец работал на мельнице. Вскоре после смерти матери по решению семейного совета отец стал жить с другой семьей, заботясь и о своих детях. Некоторое время Миша и его младший брат жили у сестры, у которой тогда было двое своих детей. Когда старшие уходили работать в колхоз, он оставался в доме: доил корову, готовил кушать, убирал. Впоследствии батюшка вспоминал: «Работал по дому. Воду носил на коромысле по два ведра, десять литров в каждом. Бывало упаду, разолью и опять иду набирать. А зимой, пока донесу, вода превращалась в лед. Сестра ругала, что полные ведра набираю, а я думаю: "Чтобы в следующий раз не ходить"».

Сестра уходила на работу, а я оставался за хозяина. Когда все приходили, прятался в вишневом саду. Зовут кушать, а я не иду. Потом прихожу. "Где был?", – спрашивают. А я места своего не открываю. Любил уединение с детства».

Однажды на улице Миша увидел человека в черном облачении: то ли монаха, то ли священника, и вслед ему пропел смешную деревенскую частушку про попа. Этот человек обернулся и большим крестом перекрестил его. Михаил испугался и убежал, но этот случай остался у него в памяти на всю жизнь.

Когда подошел возраст, Мишу отдали учиться в первый класс, но школу он посещал нерегулярно. «Когда ходил, когда не ходил – дома дела», – вспоминал батюшка. Четыре класса начальной школы все же закончил, а в пятый класс нужно было идти в соседнее село за три километра от дома. Часто зимой, когда поднималась метель и дорогу заметало, занятия приходилось пропускать.

В годы гонений на церковь в соседнем селе собирались разрушить храм. Люди приходили и забирали из храма все, что можно: иконы, покровцы. Сестра сказала Мише: «Беги и ты. Принеси святыню нам в дом». Побегал. Прибегает. Так и есть. Люди разбирают святыни, так как церковь взрывать собираются. Какой-то мужик залез на иконостас и выбивает иконы с верхнего яруса, а они летят и падают на пол, разбиваются. Иконы, сохранившиеся целыми, сельчане забирают домой. «Смотрю, – вспоминал он, – летит большая икона. Бух об пол. Я хватаю: "Моя, моя!" Люди подошли, чтобы прочитать, какой святой изображен. А икона старинная, поэтому на ней буквы плохо видно. Так и не узнали. Потом уже в Киево-Печерской лавре я видел такую же икону. Это был апостол Андрей Первозванный. Ввалил я ее на спину и пошел. Икона тяжелая, а до дома километра два было. Люди встречаются и говорят "Смотрите, какой хороший мальчик, он икону домой несет". Я, пока ее нес, очень устал. Хорошо, сестра на дорогу вышла и увидела меня, подбежала, помогла. Я еще покровец из алтаря принес. А вообще у нас дома были иконы, лампадка, правда, масла уже не было. Мы на лампадку покровец положили и перед этой иконой поставили».

Потом началась война. Старшие братья Михаила воевали, и все вернулись с фронта, возможно, уже тогда по молитвам батюшки. Уже после войны погиб одиннадцатилетний братик

Алексей. Возвращаясь из школы, он на улице подобрал снаряд, который взорвался у него в руках.

В 1946-м году в стране был страшный голод, и на селе жилось особенно трудно. «Сначала еще кое-что было, некоторые держали коров, а потом и того не стало», – вспоминал о том времени батюшка.

В 1948 году Михаила в добровольно-принудительном порядке забрали прямо с поля на шахту (отказался бы – судили). «Улица опустела без него», – вспоминал брат Андрей. Уже тогда Михаил находился в нравственном поиске. Научился сам играть сначала на балалайке, затем на гармошке (почитаемый им святой Силуан Афонский тоже играл на гармошке). Для того чтобы купить гармошку, семье пришлось кое-что продать. И потянулась к нему деревенская молодежь. Стали звать его играть на вечеринках. «Потом надо было девиц до дома провожать. Все радуются, а мне, если придется какую-нибудь девицу провожать, то я иду с ней молча. За руку не беру ее. До калитки доведу и бегу домой. Вот такой я жених был».

Господь дал ему музыкальный талант, чтобы славить Бога. И впоследствии это помогло Михаилу с особым усердием служить Господу. С этим талантом связано и первое послушание. В храме Михаил начал петь на клиросе. Всю свою жизнь батюшка прожил в чистоте и девственном целомудрии, строго соблюдая себя от всего, что может нарушить это.

Не все могут нести тяжкое бремя девства, потому оно предоставлено свободе желающих. Девство есть печать совершенства, подобие Ангелам, духовная святая жертва. Кто старается быть чистым во всех членах тела своего, кто истинно благочестив и удаляется того, что оскверняет тело, тот может сказать вместе с Давидом: «Вся кости моя рекут: "Господи, Господи, кто подобен Тебе?"» Такой человек обуздывает все чувства свои, не позволяет им господствовать над самим собою и возлагает на них иго Господне.

Св. Антоний Великий

Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении силы Его: Хвалите Его в силах Его, хвалите Его по множеству величества Его: хвалите Его во гласе трубнем, хвалите Его в Псалтири и гуслях: хвалите Его в тимпане илище, хвалите Его в струнах и органе: хвалите его в кимвалах dobroгласных, хвалите Его в кимвалах восклицания. Всякое дыхание да хвалит Господа.
Пс. 20, 150

Получать профессию Михаила принудительно направили в Ворошиловградскую область. Там его определили в фабрично-заводское училище в надежде, что он станет работать шахтером. Правда, брат приезжал в училище ходатайствовать о переводе Михаила в Херсон, но ему отказали. Там, в Ворошиловградской области, он и остался работать по направлению. Однако, не проработав на шахте и года, истощенный голодом, Миша заболел туберкулезом. Тяжелый труд под землей был ему не под силу. Пришлось все-таки уехать в Херсон к старшему брату. Устроился он на обувную фабрику, а оттуда направили его во время отпуска в санаторий на лечение. Так и выжил.

После санатория некоторое время жил у верующей женщины, что было редкостью в то время. Посещал богослужения в храме. Молился обычно за колонной – прятался от людских глаз. Но не заметить его было невозможно: пышные темно-русые волосы, большие голубые глаза, всегда смиренный, кроткий. Внешность была очень благообразной. Обратили на него внимание матушки и пригласили на клирос. Даже невесту ему нашли – регента Анну, которой он сразу сказал о своем намерении стать монахом. Через несколько лет у них была короткая встреча в Киево-Печерской лавре. Анна тоже стала монахиней.

К тому времени у него появился духовник – отец Варсонофий (Юрченко). Ныне прославленный в Херсоне исповедник.

Духовный отец

В то время после ссылки он жил недалеко от Херсона у духовных чад, и Михаил, который впоследствии будет сначала монахом Мардарием, потом иеромонахом, а затем иеросхимонахом Алексием, часто ездил к нему по реке на катере. Своего духовного отца будущий батюшка глубоко почитал.

Незадолго до своей кончины, будучи тяжело больным и прикованным к постели, иеросхимонах Алексий попросил келейницу, монахиню Иулианию, увеличить иконку старца-исповедника и повесить у его изголовья. Вся жизнь отец Алексий держался завета своего старца: «Уми в Православии». Часто он рассказывал об этом удивительном подвижнике.

«Когда я был еще в миру, Господь послал мне духовного отца архимандрита Варсонофия, – вспоминал батюшка. – Что это был за человек. Не передать! Шестнадцать лет строгого режима просидел он при Сталине как миссионер-проповедник. Тогда это коммунистами сильно преследовалось. По тюрьмам его таскали. В сибирском лагере был».

Однажды более пяти суток подряд старцу не давали заснуть, он все это время должен был стоять или сидеть под наблюдением насмехающихся часовых. Его избивали, держали в одиночках, инсценировали расстрелы, лишали пищи, а потом сытно кормили и не давали пить.

Старец Варсонофий говорил, что тюрьма была для него духовной школой. В лагере он отказывался от любой работы в воскресные и праздничные дни. Он ни под каким предлогом не давал изменять свой облик, а его насильно остригали и сбрасывали ему бороду. Старец никогда не унывал, все время посвящая молитве, находя силы утешать и поддерживать других. Одухотворенный внешний вид и ласковое обращение всегда притягивали к нему многие сердца.

После многочисленных побоев к моменту выхода из лагеря он стал сторбленным инвалидом, который мог передвигаться только при помощи костылей. Отец Павел, келейник старца Варсонофия, вспоминал: «В Саровском концлагере, когда избитого отца Варсонофия оставили в сарае в пятиградусный мороз, Господь сподобил великой милости внутреннего духовного озарения, утешая и согревая его». Позже старец Варсонофий скажет: «Господь сохранил мне жизнь, чтобы многих ныне привести ко спасению».

Как-то он сильно заболел, состояние было таким тяжелым, что его посчитали умершим и выбросили тело, а утром нашли сидящим среди трупов. Когда его выбросили, он был без сознания, а очнувшись, он почувствовал тепло. Свет озарил ночное небо, явился Сам Христос, который протянул ему руку и сказал: «Дерзай, ты Мне еще нужен на земле для проповеди Евангелия».

В период гонений на Церковь старец Варсонофий двадцать пять раз подвергался арестам. На всех допросах вел себя бесстрашно, с достоинством. Ему пришлось отбывать сроки во многих лагерях: Темниковских, Алатырских, на Колыме.

Отец Алексий рассказывал:

«С ним жила келейница Марфа, его родная сестра. Когда я к ним приезжал, она мне поведала один эпизод из лагерной жизни отца Варсонофия:

"Был он в тюрьме. На Пасху вывели его ночью на мороз босого, в одной рубашке и штанах: "Посмотрим, как твой Бог спасет тебя". Смотрели в дверной глазок. Больше трех часов никто не выстаивал – замерзали и умирали. А отец Варсонофий простоял четыре часа. Во время пытки ему явился преподобный Серафим, и после этого отец Варсонофий стал весь красный. Снег под его ногами стал таять, и он потихоньку в него погружался. После стояния на морозе стражники забрали его и говорят "Кто же ты такой, что не умираешь?" После этого руководство лагеря ходатайствовало о пересмотре его дела. В итоге отца Варсонофия освободили».

Но легче не стало. Бывало, что после очередного освобождения приедет в какой-нибудь город, обратится к уполномоченному для регистрации, а регистрацию ему дают только на один месяц. «Чтоб тебя здесь не было, говорят. Иди, куда хочешь. Просрочишь, опять посадим». Где он только не был. Наконец его прислали в Херсон. Там он и стал духовным отцом Михаила, который впоследствии вспоминал: «И тут мне наши прихожане сказали: "Михаил, у нас старец появился". Так я попал к нему в духовные чада».

Последствия сталинских лагерей не могли не отразиться на здоровье отца Варсонофия. В последние дни своей жизни старец сильно болел. Ему был открыт день, когда Господь призовет его к себе, и он готовился к смерти. В день своего Ангела, 17 октября 1954 года, после исповеди и причащения Святых Христовых Тайн старец Варсонофий мирно отошел к Господу. Он похоронен на кладбище города Херсона у храма всех Святых.

Господь послал отцу Михаилу такого старца, чтобы укрепить его веру и намерение идти по монашескому пути, к которому он был расположен с детства. Однажды Михаил осмелился поговорить об этом с батюшкой:

– Батюшка, я хотел бы быть пастухом, чтобы находиться в лесу или в поле. Уединение люблю.

Отец Варсонофий только улыбнулся:

– Пастухом, говоришь, хочешь быть? А ты знаешь, кто такой пастух? Вот станет жарко, корова хвост поднимет и побежит. Ты и не догонишь. Убежит куда-нибудь в посевы. Там «наворочает», вытопчет посевы, и будешь отвечать.

После этой беседы Михаил расстался с мыслью стать пастухом и начал спрашивать отца Варсонофия о монастыре, а тот ему и говорит:

Монастырь – это, конечно, хорошо. Но и здесь бывает двое ворот: в одни входят, а в другие выходят.

– А я не пойму, как это «выходят»?

Тогда он пояснил, что, когда бывает желание прийти в монастырь, это значит – входят. А потом некоторые поворачивают вспять, не выдерживают в духовном плане – эти выходят.

Я говорю: «Нет, батюшка, я, если пойду, то вертаться уже не буду».

– Подожди, подожди. Тебе рано. Ты еще молодой. Почти два года он меня испытывал. Не пускал. А мне хотелось поскорей.

Начало монашеского пути

И вот, наконец, отец Варсонофий благословил двадцатидвухлетнего Михаила на монашеский путь. Местом подвигов определил ему Киево-Печерскую лавру. Но с фабрики его отпустили не сразу, так как он был передовиком производства, выполнял норму за двоих и активно участвовал в художественной самодеятельности. Пришлось Михаилу через суд увольняться. Однако, когда юный подвижник приехал в Киево-Печерскую лавру, здесь его ждало неожиданное разочарование. Наместник владыка Нестор сказал, что прием в лавру сейчас ограничен, так как с пропиской очень сложно.

«Я, конечно, огорчился. Но потом он вдруг говорит:

– А ты в других монастырях был?

– Владыка святой, нигде не был.

– Вот давай сейчас поезжай, куда пожелаешь – в Почаевскую, в Троице-Сергиеву лавру или в Глинскую пустынь. А я пока здесь буду прописку с уполномоченным улаживать. Когда решится, тогда тебя вызову».

И я сразу поехал в Глинскую пустынь. А в Глинской в то время какие старцы были!.. И отец Серафим (Амелин), и отец Серафим (Романцов), и отец Андроник (Лукаш), и отец Виталий (Сидоренко). Отец Виталий тогда, хотя и послушником был у отца Серафима, но принимал странников как отец милосердия, людей утешал и вел очень духовную жизнь.

Первый раз об отце Виталии я услышал еще в Херсоне. В Глинской пустыни побывали паломники с нашего прихода и потом мне рассказывали: «Ой, Виталий глинский – это вообще человек неземной!» И вот я загорелся, думаю: «Как бы его увидеть?» А когда приехал в Глинскую пустынь и познакомился с отцом Виталием, тогда понял, что осуществил, наконец, свое желание.

В то время благочинным там был отец Андроник (Лукаш). Мудрый духовный наставник, отец Андроник был наделен дарами прозорливости, утешения, молитвы. Он безошибочно провидел внутреннее состояние человека и указывал ему самый верный путь к спасению. Его руководство отличалось особой мягкостью и добротой. Это привлекало к старцу братию и множество паломников. По молитвам отца Андроника исцелялись не только духовные раны, но и телесные болезни. В 1995 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия он был возведен в сан схиигумена. Отец Андроник проявил большое внимание к желающему встать на монашеский путь Михаилу.

«Увидев меня, начал расспрашивать:

– Откуда? Что? Как?

– Батюшка, я в Киево-Печерскую лавру собираюсь поступать, но там с пропиской сложно.

– Давай, если желаешь, мы тебя здесь пропишем. У нас свободно.

Отвечаю ему

– Батюшка, у меня благословение от моего старца отца Варсонофия в Киево-Печерскую лавру идти.

– Ну, раз благословение. Мы, конечно, не можем этого изменить или нарушить, но если не получится с пропиской, тогда только к нам.

И забрал меня к себе в келью. В келье у него было две койки: он – на одной, я – на другой. Тогда я еще совсем молодой был, и мне все было интересно. Бывало, ночью проснусь, смотрю, а батюшка уже стоит в схиме, молится. Тихо так. Только ляжет, чуть полежит и опять встает молиться, как преподобный Силуан Афонский, урывками. А я, хоть и уставший, трудился же весь день на послушании, но думаю: "Батюшка встает, и я встану". Поднимаюсь и тоже стою тихонько. Батюшка оглянется, а я стою. А тут уже и четыре часа – подъем. И пошел батюшка с колокольчиком по коридору: весь монастырь просыпается, все встают на полунощницу Около

шести часов сна благословлялось. Отцы учитывали, что у молодых послушания, и им отдохнуть надо. А старцы спали мало: и отец Серафим, и отец Андроник».

Отец Андроник рассказывал: «Однажды, когда в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами сказала, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, я ответил: "Бог даст и зазвонят." За эти слова сослали меня в 1923 году на Колыму, на пять лет». В ссылке отец Андроник служил санитаром в тюремной больнице. Он ухаживал за больными с искренним состраданием и любовью. Все его любили, а сосланные узбеки называли его «мамой». Душа отца Андроника, очищенная многими скорбями, была преисполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духовность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь: «Любите врагов Ваших» – и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией – христианскую любовь к ближнему. Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец, всегда смиренно согнувшись. Ныне отец Андроник прославлен в лики глинских святых.

В монастыре я попал на клирос, потому что читал и пел еще в миру, когда ходил в свою приходскую церковь. Такая милость Божия! Отец Виталий на клиросе и я с ним! И отец Андроник с нами! Такая благодать! Из Москвы приезжают паломники и говорят батюшке Серафиму (Романцову): «Батюшка, мы в Елоховском соборе бываем. Там Патриарх служит. Сорок человек певчих! Народа в храме пять тысяч вмещается, не протолкнуться. Пение там, конечно, замечательное! Но когда приезжаем в вашу Глинскую, как услышим ваши напевы, будто крылья у нас вырастают, мы как на небесах себя чувствуем! Молиться хочется».

Там, в Глинской, был слепенький отец Иакинф. И хотя один глаз у него совсем не видел, а другой был как зернышко и чуть-чуть открытый, он замечательно управлял хором. Обладая прекрасной памятью, наизусть знал Апостол, паремии, детально изучил церковный устав. Старался скрывать свои подвиги. Когда отец Иакинф выходил читать Апостол на середину храма, то брал с собой зажженную свечу. Иногда, пока он шел, свеча у него гасла, но он этого не мог видеть. Читал Апостол, потом начинал гасить свечу. Несмотря на слепоту, отец Иакинф все время был в трудах послушания и не только не роптал на свою участь, но благодарил Бога. Никогда не было в нем уныния и недовольства, наоборот, его бодрость, живая вера в жизнь будущую и стремление к этой жизни передавались окружающим. Вместе мы ходили на все послушания: и на клирос, и в поле, и на сенокос. Но особенно я дружил с отцом Виталием. Часто мы с ним о спасении говорили, в Илиодоровский скит вместе ходили. Помню, он все меня наставлял: «Смотри, Михаил, если в монастырь желаешь, то крепко держись этого пути. Если не в Киев, то сюда возвращайся».

А я еще в Почаевской лавре не был. И вот из Глинской поехал в Почаев. А там отец Кукша. Это ж такой старец! Оказалось, он тоже из нашей лавры. Но я не застал его в Киеве, потому что позже туда пришел. Его кзэбисты выслали оттуда в Почаев. Гнали, потому что за ним народ шел. Он чудеса совершал, прозорливый был. А чекисты-то следят. Вот и решили его отправить подальше. Приехал он в Почаев, и народ за ним. Потому что где солнце укроется? Нигде.

Святой Кукша Одесский родился 12 января 1875 года в селе Абузинское под Херсоном. Сын херсонских крестьян в двадцать лет стал послушником на Афоне в русском Пантелеимоновском монастыре, а в тридцать лет был пострижен в монахи. В крещении он Косьма, при пострижении в рясофор Константин, при пострижении в монашество Ксенофонт. В 1931 году его постригли в схиму и дали имя преподобного Кукши. Когда его спрашивали, не скучно ли ему молиться целый день, он отвечал: «А я не один, нас четверо: Косьма, Константин, Ксенофонт и Кукша».

– Приезжаю, а он там, – вспоминал батюшка. – Я сразу к нему:

– Батюшка, я вот приехал в Киево-Печерскую лавру поступать, а Вас нет. Сложно там сейчас с пропиской.

– Все будет хорошо, все будет хорошо. Поступишь, – успокоил он меня.

Так и остался я пока в Почаеве. Но там народа тьма. Паломники едут и едут. Ведь какие святыни там: Матерь Божия Почаевская, Иов преподобный... Службы пышные. Посмотрел я на все это и говорю отцу Кукше:

– Что-то, батюшка, здесь народу много. Может, мне в скит?

А там Свято-Духов скит в лесу. Он взглянул на меня, и все ПОНЯЛ:

– Вижу, ты безмолвия хочешь. Благословляю. Иди.

И вот я поступил туда. Ой, хорошо! Братии там мало. Тихо. Полунощница в свое время служится. Правило монашеское все исполняется. А поскольку я читать мог и петь, то меня сразу на клирос взяли. И пошло. Побыл немножко, братия и говорят: «Оставайся!» Ну, как я останусь? Мне же нельзя. Не могу нарушить благословения духовного отца. Наконец, звонят из Киева от владыки: «Срочно приезжай». Я сразу же на попутную машину и в лавру. Пришел к владыке, а он говорит:

– Все. Давай документы. Участковый согласился на прописку.

И меня прописали. Было это в 1951 году».

В Киево-Печерской лавре

По благословению отца Варсонофия в двадцать два года Михаил поступил в Киево-Печерскую лавру и стал в ней послушником.

О древних Киево-Печерских холмах можно сказать словами Ветхого Завета: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5). Киево-Печерская лавра во все века была священной школой истинного христианства. В то время там жил и подвизался старец архимандрит Полихроний (в схиме Прохор), и юный послушник, находясь там, стал окормляться у него. Сначала жить в самом монастыре не было возможности, и они с другим послушником примерно месяц жили на квартире у верующей женщины, которая с радостью и большим гостеприимством приняла к себе молодых насельников лавры. У юных послушников сердце горело к монашеским подвигам: к молитве, посту, послушанию. Не понимая этой ревности к монашеской жизни, женщина в простоте сердца готовила послушникам обильные трапезы, думая этим угодить своим дорогим квартирантам. И когда они, желая воздерживаться, мало ели, она плакала и огорчалась, и этим заставляла их вкушать пищу до пресыщения. Послушники очень скорбели об этом и решили наконец пойти к отцу Полихронию. Старец велел им оттуда уходить. И поселили их в лавре.

Михаил проходил разные послушания, но вскоре был взят на клирос, так как имел хороший голос.

Часто он ездил к своему духовному отцу. Его там всегда ждали и радушно принимали, особенно матушки.

– Как-то я приехал к отцу Варсонофию и за обедом, а людей за столом было много, решил выслужиться перед ним. Стал говорить о бывшем батюшкином приходе: "Вот, когда вы были на том приходе, и людей было много, и храм строился, а сейчас и людей нет, и все стоит". Батюшка Варсонофий молчал, молчал, слушал, а потом и говорит: "Сначала вынь бревно из своего глаза, а потом уж и сучок из глаза брата твоего. Какой мерой мерите, такой и я вас отмерю".

Как мне стало стыдно, страшно. И есть перестал, и заплакал. А после обеда пошли с келейником отца Варсонофия за водой, а он и говорит: "Вот ты такой кроткий, смиренный. Батюшка тебя так любит. Почему же ты плакал?" "Стыдно стало", – ответил я. Для батюшки этого случая было достаточно, чтобы в разговорах о ближнем быть крайне осторожным. Если нам казалось, что мы рассуждали о ком-то, то он нас останавливал, дабы не впади в осуждение, ссылаясь на епископа Игнатия.

Чтобы не осуждать ближнего, должно отказаться от суждения о ближнем. Потому-то в Евангельской заповеди, воспевающей осуждение ближнего, предварительно воспрецено суждение о нем. Не судите, и не судят вас. Не осуждайте, да не осуждены будете. Сперва люди позволяют себе суждение о делах ближнего, а потом невольно впадают в осуждение. Не посеет семя – и не возрастут плевелы. Воспретим себе ненужное суждение о ближних и не будет осуждения.

Когда мы сходимся для дружеской беседы, часто, если не всегда, большая часть этой беседы заключается в пересудах о ближнем, в насмешках над ним, в оклеветании, уничижении, очернении его. Льются острые слова рекою; смех и хохот раздаются, как знаки одобрения; в это несчастное время самозабвения и самообольщения души наши приобщаются свойствам демонским и напитываются ядом лицемерства. Святое Евангелие и здесь

*преследует грех, ища нашего спасения всяко слово праздное угрожает нам...
от словес бо своих оправдишися, и от словес своих осудишися.
Свт. Игнатий (Брянчанинов)*

Находясь в Киево-Печерской лавре, батюшка, уже ставший монахом Мардарием, очень хотел рассказать о Боге своим родственникам и помочь уверовать им. Но это было время сильного отступления от веры, и сестра, под воздействием брата-коммуниста, написала ему: «Не приезжай!..» Больше они не встречались. Позже родные пытались его разыскать, но безрезультатно. В годы советской власти племяннице даже сказали, что на Днепре были оползни, и некоторые здания ушли под воду, а вместе с ними и монахи.

(Страшная трагедия обрушилась на Киев через два дня после закрытия лавры. 12 марта прорвало дамбу на реке Днепр, и мощные селевые потоки понеслись вниз на прибрежный район Куреневку, неся страшные разрушения и смерть. Погибло много людей... Это было Божьей карой за неразумие тех, кто посягнул в своей гордыне на Церковь Христову.)

Они весьма огорчились, но младший брат Андрей долгое время продолжал поиски. Его сердце чувствовало, что Михаил жив. И уже после смерти батюшки родственники узнали через келейницу, что последние годы он жил и почил всего за двести километров от родной деревни! Когда она разыскала родственников, то было много слез, печали и радости. Друг, с которым его забрали с колхозного поля в фабрично-заводское училище, долго смотрел на фотографию и плакал: «Эх, Минек, Минек (так звали в детстве и юности батюшку в деревне), мой дружок. Обещал, что встретимся». Видимо, не было воли Божией батюшке встречаться с родственниками.

Когда Михаила прописали, владыка сразу взял его к себе келейником. Вторым же монастырским и любимым послушанием стал для него клирос, где он был и уставщиком, и чтецом, и певчим, и канонархом. Послушания нес с большим смирением и усердием. От природы имея кроткий характер, пребывал с братией в мире. Его смиренной и послушной душе скоро стала прививаться молитва, которой будущий пустынный посвятит свою жизнь. Исполняя различные послушания, он постепенно приучал себя к внутренней духовной жизни.

«В приемную ко владыке сердобольные матушки приносили разные выпечки, сдобы сладкие. Я тоже кушал с ним. У меня стали телесные беспокойства происходить. Я об этом рассказал духовнику а он и спрашивает:

- А что ты кушаешь?
- Выпечки, сдобы, масло и сметану домашнюю.
- Да нет, братик, это ж нельзя молодому.

Так и наставил. Я совсем перестал есть скромное, сладкое. Владыка заметил и спрашивает:

- Ты что не ешь ничего?
- Да, у меня желудок не принимает.
- Ну, тогда относись братиям в трапезную».

Вскоре Михаила постригли в мантию с именем Мардарий в честь Киево-Печерского затворника. Владыка Нестор настолько доверял своему келейнику, что не закрывал от него даже кассу. «Владыка часто уезжал по делам, а я оставался один, – вспоминал батюшка. – Все открыто... А мне – книжки... Какая библиотека у владыки! Как открою: жития святых, «Добротолюбие», патерики, святоотеческие творения! И начал я читать. Ай, пустыннички – Антоний Великий, Макарий Великий, Исаак Сирий, Иоанн Лествичник!.. Как начитаюсь и все думаю, сколько буду терпеть? Ведь к владыке народ без конца идет. Суета. Я с утра до вечера кручусь. Идут и государственные представители, и священство, и братия, и нищие. Всех надо принять да владыке доложить. Вечером у меня клиросное послушание, а значит, я должен быть на службе. К тому же молодой еще был, а в лавре кого только нет: и туристы, и молодежь – все на экскурсию едут. Хотел уйти. Желание у меня было – в пустыню. Поехал к духовнику.

Тот выслушал и строго сказал: "Не вздумай! Оставайся. Никуда! Иначе будешь скорбеть". И я остался».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.